

ВОЛШЕБНЫЙ казанок

Говорят, что давным-давно на месте, где ныне стоит град Казань, шумели девственные леса, в которых водились крылатые Зиланты, а в реках – русалки с зелёными волосами, которые они расчёсывали золотым гребнем. Вот тогда-то и заблудился здесь болгарский хан Хасан вместе со своим младшим сыном Алтынбеком. Отстали они от обоза и остались без слуг.

Солнце уже катилось к закату и надо было устраиваться на ночлег. Алтынбек спешил с коня, взял золотой казанок и спустился к безымянной реке, чтобы зачерпнуть водицы. Но то ли поскользнулся на мшистом камне ханский сын, то ли испугался русалки, но выронил казанок из рук, и тот, ярко сверкнув, навсегда погас в тёмном омуте реки.

Пропал золотой казанок, да не совсем! С тех пор ту неизвестную реку нарекли Казанкой, а город, который был впоследствии заложен на её берегах – Казанью!

Так что не простым оказался казанок, а волшебным. Хотели сварить в нём походную похлёбку, а на свет родилась красивая легенда, которую вот уже тысячу лет казанцы пересказывают друг другу из поколения в поколение. А если к тому же представить себе, сколько было рассказано вокруг закипающего казанка степных притч, сказок и прочитано байтов, то...

Вот и получается, что ханский казанок – это не совсем обычный котелок, в котором готовят пищу на костре. Это огромный бездонный казан. Из него мы до сих пор черпаем сказки, рассказы и стихи, которые с удовольствием слушают нынешние ровесники Алтынбека!

Тирей Суган-Луков

173

Ананасовое облако

Папа открыл посылку, которую прислала моя тётя из Баракара, и вытащил оттуда большой оранжевый мешок.

– Это что, для картошки? – удивилась мама.

– Наверное, это чехол для нашей будущей машины! – предположил папа, щупая шелковистую материю.

А в мешке было темно и пахло нафталином. «Может быть, это армейский спальник на целый взвод?» – подумал я. Но в это время папа нашёл в посылке открытку и громко зачитал: «Поздравляю дорогого Альбертика с днём рождения и посылаю в подарок воздушный шар. Прилетай ко мне, Альбертик, вместе с мамой и папой! Твоя тётя».

– Ну и тётя у нас... – вздохнула мама.

– А что? – рассуждал вслух папа. – Воздушный шар – это не так уж и плохо, на работу можно летать. Было бы хуже, если бы она прислала в подарок дилижанс – лошадей-то у нас нет!

Я засмеялся, а папа мне хитро так подмигнул.

Ранним утром мы улетели!

Воздушный шар поднимался всё выше и выше, а кругом одни облака клубились – розовые, голубые, жёлтые...

Вдруг папа предложил:

– Давай обследуем вон то облако!

– Давай! – обрадовался я. И папа лихо прыгнул на жёлтое облако, вбил колышек и привязал к нему воздушный шар. Потом папа принюхался, отломил от облака кусочек и положил в рот.

– А-а! – воскликнул он, – ананасовое!

– Ты же руки не мыл! – напомнил я.

– Сейчас дождик пойдёт, помою, – серьёзно сказал папа и перепрыгнул на розовое облако...

– Арбузное! – причмокнув, определил он, – а вон то, наверное, из мороженого, да ещё с орехами и изюмом!

На облаке из мороженого лежал незнакомый дядя и облизывал пальцы.

– Здравствуйте! – приподнял шляпу папа.

– Д-д-д-д... – стуча зубами от холода, ответил нам незнакомец.

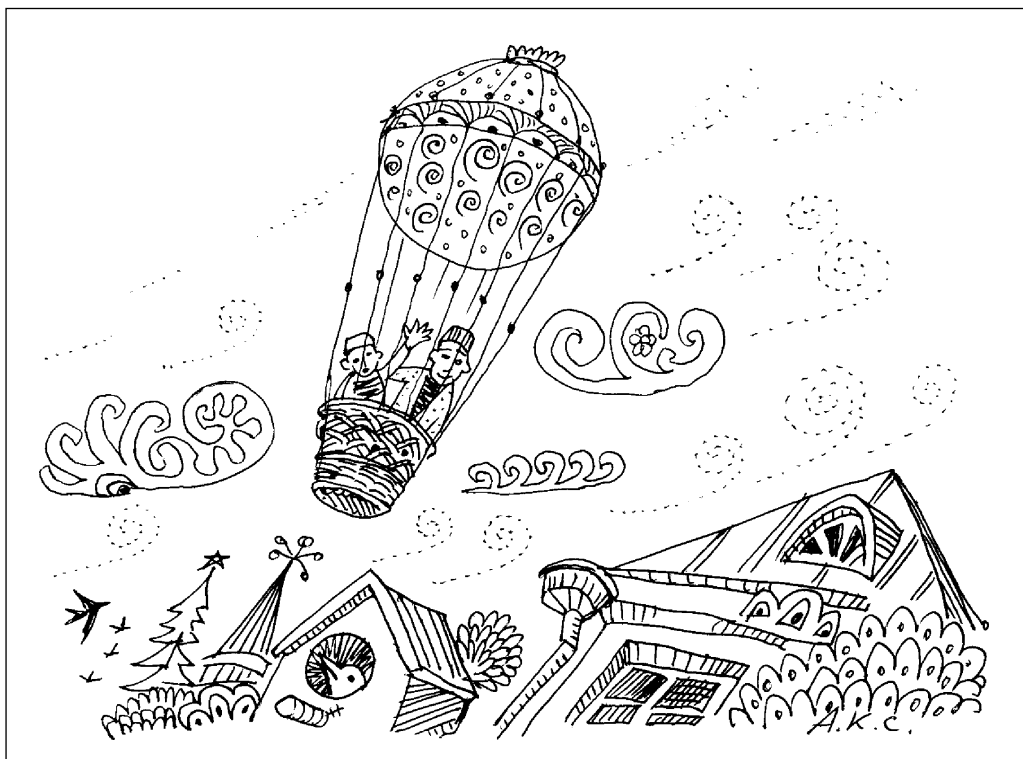
– Можно мы немного откусим от вашего облака?

– Да-да, конечно, кушайте сколько хотите...

– Как же вы сюда попали? – поинтересовался папа.

– Да я дельтапланерист, залетел сюда случайно, а обратно не хочется, оттого что мороженое люблю! Да и дельтаплан мой куда-то улетел... – махнул он вдаль рукой.

– Как же вы вернётесь? – спросил

папа, – не вечно же здесь... Внизу-то, наверное, жена и дети?! А хотите, мы вас на своём шаре подбросим?

– Да нет, спасибо, – ответил незнакомец, – я всё рассчитал: если я буду съедать в день по десять килограммов мороженого, то с каждым днём буду спускаться всё ниже и ниже... И где-то к концу месяца спущусь вблизи китайского города Пекина, как раз на Олимпийские игры, а оттуда на поезде – домой!

– Может, и мне здесь остаться? – подумал вслух папа.

– А кто же меня из детсада забирать будет? – испугался я. – Мама же во вторую смену!

– И то верно, чего это я?! – спохватился папа.

Целый день мы прыгали по облакам, пока наконец не наткнулись на облако с рыбьим жиром, ох и невкусное!

– Если его домой, как айсберг, прибуксировать, – размышлял папа, – то тебе сынок, по столовой ложке в день до самой старости хватит. Но у нас, к сожалению, верёвки нету!

– Да и не наше это облако, – напомнил я, – а общественное!

Когда мы вернулись домой, было уже поздно.

– Ладно, – сказал папа, – к тёте в следующий раз слетаем. А теперь спать, завтра мне на работу.

Я ещё долго не мог заснуть и всё ждал маму и лизал потихонечку кусочек облака, который я прихватил для неё, – липкое, ананасовое.

Скрипично-амбарный ключ

175

Почему у меня штаны спадают? Да потому, что в кармане лежит тяжеленная связка ключей. Вот этот, жёлтенький, с зубами как у овчарки, – от входной двери; этот, маленький, как будто от замка, где живут липипуты, – от почтового ящика; этот, ржавый – от сундука с кладом, который лежит на дне озера Кабан; этот...

Но самый главный ключ висит у меня на шее. Вообще-то он от сарая, но это по-русски – сарай, а по-татарски – дворец! А замок на дворце такой огромный, ну как скворечник.

Есть для моего ключа дело и поважнее открывания замка – это музыка! Я как дуну в него изо всей силы – уви-ууу, сви-иии-у! – так бабушка сразу просыпается и недовольно ворчит: «Чем ты там занимаешься? Бездельник!»

Она ведь не знает, что со временем станет гордиться своим внуком. Вот научу я своих друзей играть на ключах и организую единственный в мире Оркестр Амбарных Ключей!

Представляете себе: выхожу я на сцену в чёрном фраке, большая хрустальная люстра надо мной медленно гаснет... Я достаю из кармана ключ

и...уви-ууу, сви-иии-у! Аплодисменты, цветы... Гастроли по стране, турне по Европе... Бис! Bravo!

Потом я, знаменитый, вернусь в свой город, проеду на чёрном и длинном, как рояль, «кадиллаке» по улицам, украшенным цветами и моими портретами. И дам в Оперном театре несколько концертов. В первом ряду с моей бабушкой будет сидеть классная руководительница и восхищаться: «Потрясающе! Великолепно!» А в антракте она скажет корреспондентам: «Вы знаете, он ведь учился в нашей школе... Я ещё тогда заметила, что есть в нём что-то такое особенное... Вы бы слышали, как он свистел на уроках! Даже иногда директор приходил послушать».

...Вдруг бабушка выхватывает из моих рук «инструмент» и уходит. Сейчас она принесёт из погреба картошку и солёные огурцы, и у нас, артистов, начнётся обеденный перерыв...

Но что там бабушка так долго? Иду в сарай, оттуда доносятся странные звуки. Заглядываю в щелочку. И что вы думаете бабушка делает? Она дует в ключ, свистит – уви-ууу, сви-иии-у!

Гульназ Валеева родилась (1983) в Казани. Окончила школу с золотой медалью, факультет иностранных языков Казанского государственного педагогического университета – с красным дипломом.

Проходила стажировку в Париже. Учится в аспирантуре кафедры французского языка КГУ. Она – автор двух книг на татарском языке: «Волшебство» (изд-во «Милли китап») и «Шестое чувство» (Татарское книжное издательство). Первая книга Гульназ была издана, когда ей едва исполнилось семнадцать лет. Также её стихи и рассказы вошли в разнообразные сборники, были опубликованы в периодических изданиях. Гульназ Валеева – самый молодой член Союза писателей Татарстана

Гульназ Валеева

Как звери на гармошке играли

Верно гласит народная мудрость: поле всё видит, а лес всё слышит. И впрямь, в чистом поле видать далеко – до самого горизонта, а в дремучем лесу видимость – только до соседней ёлки, зато здесь уши начеку и даже мышинный шорох настораживает, а игра на гармошке тем более. Слышалась она в тот день всякому, кто проходил по лесу. Озирались люди по сторонам, что за чудеса? Откуда в лесу гармошка?

Да её просто-напросто позабыла на лесной полянке деревенская молодежь. От души девчата и парни попели, поплясали, поиграли, а когда стемнело, укатили восвояси. Спихватились, а уже темень непролазная!

Только забрезжил рассвет, как Зайчонок проснулся, умылся росой, земляничкой позавтракал и попрыгал к ручью – воды напиться. Только три прыжка сделал – раз! – и налетел на гармонь, та даже меха растянула и звук жалобный издала. Зайчонок вначале жуть как струсил, а потом опомнился и стремглав поскакал к соседке с новостью о «пришельце».

Шустрая Белочка перелетела с ветки на ветку и уселась поближе к полянке. Отсюда, сверху, она частенько тайком наблюдала, как забавляются деревенские, поэтому сразу смекнула, что это они забыли свой музыкальный «ящик», который раздвигали туда-сюда,

и тогда весёлые или грустные звуки разносились по лесу.

Любопытной Белочке давно не терпелось хоть разок поддержать этот «ящик» в лапках, поэтому она, переборов страх, с превеликим удовольствием растянула алые меха. И тут послышались странные звуки, похожие на дробь града осыпающихся спелых орешков и кедровых шишек!

Услыхала «музыку» Лиса-кумушка и поспешила на звуки. Проказница частенько наведывалась «по делам» в деревню и видела, как развлекаются под гармошку хозяева курочек и петушков. Ей тоже страсть как не терпелось хоть разочек притронуться к инструменту. Вот взяла она его в руки да как растянет меха...

Чудеса, да и только! На какую клавишу Лиса-кумушка ни нажмёт – слышится то залиvistое кукареканье, то кудахтанье.

– Эй, кума! Что за странные звуки раздаются у тебя? Разве так играют на гармошке? – спросила Белочка.

– Сама-то как играешь?! – огрызнулась на неё Лиса.

И вот уже разгорелась у зверей ссора. Им захотелось выяснить, кто прав. И отправились они за правдой к Серому Волку. Он, как всегда, был голоден, и поэтому страшно зол. Обнюхал принесённую гармошку, попробовал её с краю на зуб и процедил сквозь зубы:

– Да будет вам известно – я не питаюсь шишками и не грызу деревяшек! Услышав такое, Белочка предложила:

– Пойдём-ка лучше к Медведю. Топтыгин взял у Лисы-кумы гармош-

ку да как растянет её меха, как заревёт на весь лес любимую: «Пастой па-а-аравоз, не стучайти ка-а-алёсы!»

Первой пришла в чувство Лиса:

– Когда я ходила по неотложным делам в деревню, то частенько слышала, как люди судачат о каком-то Медведе-гармонисте. О тебе, стало быть, речь шла, господин Медведь! Прямо жить хочется, когда ты играешь, – польстила косолапому Лиса-кумушка.

Только одна простодушная Белочка, взяла да ляпнула:

– Какой ужас! Медведь сам себе на ухо наступил!

Зря это она сказала...

И представьте себе, с лёгкой лапки хитрой Лисы эти душераздирающие звуки и слова из песни Топтыгина были признаны гимном всего елового леса. Теперь каждое утро его обитатели с испугом просыпались под жуткий скрежет и завывание!

Ну, вот, как говорится, и сказке конец... Да, чуть не забыла. Лиса-кумушка была награждена как ценительница высокого искусства консервными банками сардин, которые вместе с гармонью забыла молодежь на поляне, а вот, что касается Белочки....

Медведь издал Указ, предписывающий Белочке со всем семейством немедленно покинуть родной лес и перебраться в соседний. Липовый! Была в берестяном «документе» и приписка – «по собственному желанию».

Бедный зверёк дальше родного леса нигде прежде не бывал, и поэтому ещё не знал, что в липовом лесу орешки не растут...

Как ишак конём стал

178

волшебный казанок

Старожилы рассказывали, будто бы объявился как-то в их деревне одичавший вислоухий Ишак, плешивый и весь в репьях. Понуро брёл он по дороге и от голода готов был уже сжевать свой облезлый хвост, когда вдруг учуял запах овса и услышал аппетитное похрукивание. Не помня себя от радости, заспешил он к заветной кормушке. А там важно толпятся, сытно пофыркивая и потрясая пышной гривой, разномастные кони – пегие, в яблочко, вороные и даже один белый!

Ишак опешил, но видно голод помутил его рассудок, и он начал настойчиво протискиваться к кормушке с урчанием: «И я-а-а хочу! И я-а...»

Кони оторопели от такой наглости. И тут вожак их – Белый Конь – заржал и чуть было не забил насмерть наглого Ишака.

– Ты кто такой? – спросил Конь.

– Ишак пока что, – отвечает вислоухий. – Но мои предки вышли из вашего семейства – лошадиного. Как говорил мой дед: поскреби любого ишака и найдёшь лошадь или даже ретивого коня!

– Допустим, – задумчиво изрёк Конь. – А сюда-то тебя каким ветром занесло?

– Мой дед часто говорил мне, что ваша деревня – наша историческая родина. Он никак не мог позабыть своего благородного лошадиного происхождения. Когда в деревне началось раскулачивание, тогда многие отсюда подались – не по собственной воле, а под конвоем! – в Сибирь, в Среднюю Азию. Так мой дед оказался на хлопковых полях, где-то под Ферганой. Там он и ишачил с рассвета до заката. Год ишачил, два, а на третий из красивого коня в простого ишака превратился! Следующее поколение уже родилось на свет

настоящими ишаками. Я, например, ишак в пятом поколении... Со временем в тех краях жить стало совсем невмоготу, жёсткую колючку найти и то проблема! Вот я и вспомнил о своей родине и добрёл сюда в надежде, что благородное лошадиное племя сжалится надо мной. Мы же кровные братья!

– Ну что ж, родственничек, оставайся. Может быть, сгодишься...

Жизнь в деревне тоже была далеко не курорт. Поднимались с зарёй и пахали в поле до самых сумерек! Кони – пашут, а Ишак у них в напарниках, сзади плетётся, делает вид, что помогает, а сам зерно из сеялки украдкой подьедает. Свою нерадивость и лень Ишак компенсировал краснобайством. На собраниях был настоящим оратором!

Вскоре Ишака повысили. Он стал бригадиром и вёл всю документацию. Кони пашут, а Ишак записывает, кто сколько сделал. От «работы» такой Ишак залоснился, гриву роскошную отрастил и потребовал называть себя Лошаком!

Стараются кони, да всё без толку: ни сена, ни соломы, ни сочной травы не видят – всё Лошак забирает. И вот однажды возвращаются они в деревню с пахоты. Бредут мимо леса, а там малина дикая поспела. Белый Конь с Лошаком поотстали от табуна и не заметили, как, обрывая сладкую ягоду, углубились в глухую чащу.

И вдруг перед ними выросла целая гора меха – громадный Медведь преградил дорогу.

– Малину, значит, мою едите?! – зарычал он. – А ведь, между прочим, за вашей деревней должок имеется! Мёд вы мне недодали за прошлый год...

– Потапыч, – начал было оправдываться Конь, – пчёлы зимой помёрзли, вот и не было мёда-то...

– Ну, тогда я кониной возьму! Мне-то всё равно...

– Раз так, я пошёл... – попятился Лошак.

– Не понял... – удивился Медведь.

– Вы же сами, уважаемый, только что сказали, что возьмёте кониной, а я простой Ишак! Иа!!!

– То-то, гляжу, какой-то ты не такой...

Ишак на радостях помчался в деревню, да на полпути призадумался: как же оправдаться перед всей конюшней?

Скажу им, решил Ишак, что Конь сам заманил меня в лес. Они с Медведем в сговоре! Я целый час отбивался от них, пока, наконец, не одержал победу!

Доверчивый лошадиный табун принял его речь за чистую монету. Все стали восхвалять Ишака за стойкость и мужество, а Белого Коня объявили медвежьим прихвостнем.

С тех пор Ишак изменился до неузнаваемости: вплёл в свою шелковистую гриву ленту – золотую и красную. Шкура его теперь благоухала каким-то цветочным настоем. В серебряной кормушке была только отборная пшеница!

Теперь он Герой, и все кони почитают его. Вскоре открытым голосованием его избрали Вожаком табуна и стали называть не иначе как Белый Конь. Хотя шкура у Ишака по-прежнему оставалась чёрной, как её ни драили...

Но кто сказал, что чёрное – это чёрное? Вполне возможно, что все заблуждались до сих пор, и чёрное – это и есть самое настоящее белое.

*Перевод с татарского
Нура Исхакова*

